

ВЕЛИЧИЕ МАТЕРИНСКОГО ПОДВИГА

К 75-летию З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ назад, в 1962 году, в издательстве «Детская литература» вышла первая книга Зои Воскресенской «Сквозь ледяную мглу». В сборнике, составленном из нескольких рассказов, был изображен В. И. Ленин в период революции 1905 года. «В детскую литературу», — писала газета «Правда», — пришла писательница с большой биографией, большой важной темой.

Зоя Ивановна Воскресенская четверть века была на военной службе. И только выйдя в отставку, решила взяться за перо, поделиться с юными читателями знаниями, опытом, мыслями о жизни, о пережитом.

Среди произведений Зои Воскресенской есть рассказы об октябрятах («Лениное солнце», «Первый дождь») и о пионерах разных поколений («Рот фронт», «Красный бант»), повесть о советской девочке, тринадцатилетней Антошке, оказавшейся во время Великой Отечественной войны за рубежом, в Стокгольме («Девочка в бурном море»); веселая история про то, как пятиклассника Саньку назначили вожатым в октябрятскую звездочку его племянницы Зойки («Зойка и ее дядюшка Санька») и другие.

И — наконец самое главное — рассказы и повести о Ленине — серьезный вклад в детскую Лениниану.

Большое видится на расстоянии. Писательница сумела сквозь прожитые ею вместе со всем советским народом годы увидеть и по-своему изобразить вождя нашей революции, основателя партии и государства. И не только одного Ленина. Его родных и близких, его соратников по борьбе, по труду.

Один из рассказов о Ленине — «Костры» — начинается грустным пейзажем: идет дождь. Цветы полегли, птицы не поют. И в бревенчатом домике у реки тревожно. Здесь живет сейчас семья Ульяновых. Мария Александровна, мать Владимира Ильича, приготовила ему комнату в мезонине. Владимир Ильич только что вернулся из трехлетней сибирской ссылки, поселился в Пскове. Обещал приехать к матери в Подольск, погостить у родных. И вот дурная весть: снова арестован, вторую неделю в тюрьме.

Марии Александровне — шестьдесят пять. Она заболела, слегла. А дождь все шумит. И на сердце все беспокойнее. Приходит доктор, но не назначает никакого лечения. Он лишь совету-

ет гулять, рекомендует радостные волнения. Все удивлены: волнения?

«Но у мамы большое сердце, ей столько пришлось пережить», — говорит Мария Ильинична.

Доктор внимательно смотрит на медицинскую книгу, что перелистывает Дмитрий Ильич, и говорит: «...Не ищите Сердце матери еще ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости для него самое лучшее лекарство...».

Доктор прав. Здоровье возвращается к матери, когда приезжает сын — Владимир Ильич. Он снова на свободе и радуется встрече. «Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду», — говорит он. И мать отвечает: «Здесь даже в ненастье уютно... Посмотри, какой светлый дождь за окном».

Это написано просто, прежде всего потому, что написано для детей. Но просто — не значит упрощенно. З. Воскресенская поставила перед собой сложную задачу. Сердце матери... Тайна ее могущества... Такова тема рассказа «Костры». Рассказ «Костры» стал главой в книге «Сердце матери».

З. Воскресенская написала о Марии Александровне еще одну книгу — «Встреча». Обе книги смело можно назвать новаторскими. Ведь никогда ранее мать В. И. Ленина не стояла в центре исторического или художественного повествования. «Воскресенская первая стала писать о матери Ленина», — сказала М. Прилежаева. — Честь открытия принадлежит ей».

В могучей книге Герцена «Былое и думы» есть слова о значении ребенка в жизни женщины, о материнстве: «Ребенок причает мать к жертве, к подчинению воли, к страстной трате времени на не себя и отучает от всякой внешней награды, признания, спасибо. Мать... ничего не требует от него, кроме здоровья, аппетита, сна и — его улыбки. Ребенок, не выводя женщины из дому, превращает ее в гражданское лицо»...

З. Воскресенская воссоздала атмосферу дома Ульяновых, она показала, как велика была в их семье роль матери, ее доброта и честность, ее женская самоотверженность. Жертва Марии Александровны, ее «страстная трата времени не на себя» была примером гражданственности. Но это еще не все. З. Воскресенская открыла новые факты жизни Марии Александровны, нашла ее публикации. Любовь к

детям привела М. А. Ульянову к пониманию их великой борьбы. Она стала не просто гражданским лицом, она превратила свою жизнь в гражданский подвиг.

И читатели поверили в образ, воссозданный З. Воскресенской. Рассказы о М. А. Ульяновой получили известность, высокую оценку общественности. За повесть и сценарий фильма «Сердце матери» (сценарий написан совместно с И. Донской) писательнице присуждена Государственная премия СССР.

Повестью-поиском, повестью-исследованием стала и книга «Надежда»: она по-новому высветила яркий образ Н. К. Крупской — женщины, чье имя неразрывно связано с именем вождя революции. Однажды мы беседовали с Зоей Ивановной. «Найдите-ка, — сказала она, — в истории женщину, которая рядом с гением сохранила бы свое собственное, неповторимое лицо, свою индивидуальность. Крупская — основоположник нашей советской педагогики. Многие страницы ее трудов, ее огромная переписка еще ждут публикации, читателя. Мы лишь приступили к изучению ее наследия — здесь предстоит еще немало открытий...».

Рассказывая о семье Крупской, З. Воскресенская исходила из ленинского понимания революционной традиции в России. Рассказала, что дед Крупской принадлежал к тайному обществу передовых офицеров, умер в ссылке, отец руководил группой, принадлежащей к «Земле и воле», был разжалован, судим — драматическая, полная событий жизни! Такова была среда, воспитавшая будущую революционерку Надежду...

Когда разговариваешь с Зоей Ивановной, как-то даже трудно поверить, что она начала писательскую жизнь чуть ли не в пятьдесят лет. Она, улыбаясь, говорит:

— Мои-то первые опыты датированы 1923 годом. Мне тогда было шестнадцать, и работала я в колонии малолетних правонарушителей «Сторожище» под Смоленском. Должность называлась по-военному: политрук. Все мы тогда жили дыханием только что окончившейся гражданской войны. Комсомольцы боролись с беспризорностью. Мы ходили по городу, шарили на чердаках, во дворах... Отовсюду вылавливали мальчишек-сирот. Родители их либо погибли в борьбе с белыми, либо умерли от голода в Поволжье. «Житейский опыт» у

ребят был большой: едва ли не всю Россию исколесили. Их и надо было выводить в люди, пристраивать к настоящему делу. Я была единственной среди педагогов колонии девушкой и чем-то вроде комсомольского комиссара. Когда я впервые поздороваюсь с детьми, они ответили мне хором что-то непонятное, точно говорили на тарабарском языке. Заведующий перевел: «Они говорят: «Здравствуй, Зюечка, мирная комсомолочка!». Я растерялась. Надо было изучать этот «язык», надо было знакомиться с каждым, завоевывать доверие... Опыта воспитательной работы у меня не было. Не было в ту пору ни инструкций, ни методических указаний. И я обычно поступала так, как подсказывала мне интуиция. Случалось, конечно, что и в губком придешь, посоветуешься. Но в основном сама. На свой риск и страх...

К своей работе воспитателя я относилась серьезно. Подружилась с ребятами, подробно записала их биографии. Фамилии были не у всех, а в основном слички, прозвища: Цыган, Сохатый, Черный... Я решила написать книгу на материале ребятских биографий. Начала... И тут прочитала «Педагогическую юзму». Макаренко покорил и захватил меня. Собственные записки показались слабыми... Я жогла написанное. Сейчас жалею об этом. Писать-то я тогда и вправду не умела, а материал обрала богатый. Ну, а впоследствии мне пришлось заниматься такой серьезной, важной работой, которую было решительно невозможно сочетать с литературной...

Зоя Ивановна тепло вспоминает еще одну страничку своей педагогической биографии, много лет спустя пригрозившую в литературном труде.

— Пионерия нынче, — говорит она, — празднует славное шестидесятилетие. Мне случилось работать с ребятами на заре пионерского движения. Шел 1924 год... Я была работницей молотенского завода, где делали бороны, плуги, умышальники, чайники... В моей «рабочей марше» (трудовых книжек тогда еще не было) записано: «Профессия — жестянщица-паяльщица». На заводе я вступила в партию. Тут-то меня и назначили вожатым к пионерам. В те годы пионеры объединялись в отряды не в школах, а при заводах и фабриках. Я стала собирать пионеротряд при заводском клубе. Пионеры убрали

заводской двор, выпускали стенную газету, рисовали плакаты, писали лозунги. Воины-шефы подарили нам палатки. Мы выбрали поляну для будущего лагеря. Расчистили место для торжеств, подняли знамя. В нашем лагере не было ни одного платного работника. Раз в неделю приезжал врач, вот и все. Сами готовили еду, стирали. Занимались спортом, купались. Собирали лекарственные травы. Помогали крестьянам убирать хлеб, косили сено. Питались мы не ахти как, а жили весело, завидя участникам революции, гражданской войны, мечтали о больших сражениях, о подвигах, о славе. Сражений, и больших, и малых, на наше поколение хватало, увы, с лихвой. Ныне особенно интересно вспомнить начальные годы пионерии, увидеть, какой огромный путь она прошла. В отрядах двадцатых годов многое было ярким, интересным, что-то не выдержало испытания временем, ушло. Мы дорожим нашей историей, но, даже вспоминая ее, смотрим не назад, а вперед...

Хорошие, умные слова! Как видим, приход Зои Ивановны Воскресенской в литературу нельзя назвать случайным. Двадцать лет писательской работы для детей были плодотворными, успешными. Недавно вышел объемистый том «Повести и рассказы о Ленине», включающий все написанное З. Воскресенской на ее главную тему. Пользуется читательским успехом новый остросюжетный роман «Консул» о советских дипломатах в Финляндии в предвоенные тридцатые годы. Еще одна новая книга называется «Бабушка Параскева. Исторический рассказ». Ее героиня — Параскева Досева-Димитрова — мать выдающегося революционера-ленинца Георгия Димитрова. «Как схожи судьбы матерей Ленина и Димитрова», — пишет З. Воскресенская. Писательница развивает и углубляет свой излюбленный мотив. А на рабочем столе уже новая рукопись — повесть о большевике Ремизове, лице не выдуманном, а реальном, коммунисте с четырехдцатого года...

Человек настоящей доброты, неистощимой веры в справедливость, литератор, обладающий редким чувством историзма и подлинной идейной убежденностью, — такова Зоя Ивановна Воскресенская. Поэтому и любят ее читатели.

Н. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ,
В. ПРИХОДЬКО.